

И. А. Сергиенко

*Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
Санкт-Петербург, Россия*

**«Формула Крапивина»: сюжетная модель
реалистической прозы Владислава Крапивина
1960–1980-х годов***

Рассматриваются особенности построения сюжета в реалистической прозе Владислава Крапивина, написанной в период с начала 1960-х до начала 1980-х гг. В фокусе исследования – произведения, составляющие ядро его творчества: рассказы, повести, романы, на страницах которых был создан образ «крапивинского мальчика» – главного типажа в творчестве Крапивина.

Схематизм сюжетных моделей прозы Крапивина анализируется в контексте специфики детской литературы, раскрывается связь художественных приемов Крапивина с традициями, шаблонами и схемами детской литературы, предпринимается попытка охарактеризовать индивидуальный стиль Крапивина, вычленив уникальность его приемов в сфере конструирования сюжетов. В статье выдвигается гипотеза, что основные темы реалистической прозы Крапивина и соответственно их сюжетные воплощения обуславливаются не только влиянием литературной традиции, но и биографическим контекстом. Особенности фигуры главного героя («крапивинского мальчика») определяют специфический и ограниченный набор сюжетов, связанный с реалиями гендерной социализации мальчиков в послевоенный период и в период 1960-х – 1980-х гг. Высказывается предположение о том, чем обусловлено незначительное число сюжетов, связанных с героинями девочками, и почему их образы являются вспомогательными по отношению к персонажам мужского пола.

Ключевые слова: проза Владислава Крапивина, сюжеты реалистической прозы Владислава Крапивина, сюжет в детской литературе, «крапивинские мальчики», изображение гендерной социализации в советской детской литературе.

Общим местом работ, затрагивающих вопросы построения сюжетов в прозе Владислава Крапивина, является указание на повторяемость сюжетных приемов и схематичность образов героев – эту особенность отмечают авторы и академических, и публицистических, и любительских текстов, посвященных творчеству

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00381 «Педагогические концепции гендерной социализации в русской детской литературе».

Сергиенко Инна Анатольевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Центра исследований детской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (наб. Макарова, 4, Санкт-Петербург, 199034, Россия, inna_antipova@bk.ru)

писателя¹. Высокая степень трафаретности сюжетных коллизий и персонажей выделяет идиостиль Крапивина на фоне основного массива советской реалистической прозы для детей и подростков, даже с учетом того, что, по мнению ряда исследователей, детской литературе в целом свойственна большая схематичность и однообразие художественных приемов, чем литературе для взрослого читателя².

В этой связи исследовательская задача, связанная с выявлением основных сюжетных инвариантов произведений Крапивина, представляется на первый взгляд как будто несложной и довольно очевидной.

Анализ основного корпуса текстов, написанных Крапивиним в жанре реалистической прозы, в период с начала 1960-х (т. е. с момента вступления Крапивина в детскую литературу) и до середины 1980-х гг., завершающих советский период его творчества, показывает, что излюбленной сюжетной моделью писателя становится сюжет об испытании героя. Это испытание может быть представлено в виде различных ситуативных моделей: герой должен преодолеть свой страх, малодушие, эгоизм, физическую слабость, усталость, пройти искушение, сделать выбор в сложной ситуации или вступить в открытый поединок с антагонистом (иногда эту роль выполняет стихия). Наградой для героя служит, как правило, либо обретение желанной им идентичности (позволяющей считать себя интегрированным в героизированный мир взрослых мужчин), либо подтверждение ее. В таком обобщенном виде эта сюжетная модель кажется универсальной не только для детской литературы в целом, но и для многих произведений мировой литературы, мифологии и фольклора. Эту особенность детской литературы отмечает П. Нодельман: «Большинство детских книг являются настолько “простыми”, недетализированными и, следовательно, похожими друг на друга, что их общие черты с поразительной очевидностью напоминают об архетипах. У таких книг немного отличительных черт, которые возможно было бы проинтерпретировать. Попытки интерпретировать их так же, как мы сделали бы это с книгами для взрослых, выявляют на удивление однотипные смысловые ядра и изобразительные шаблоны, которые весьма схожи с архетипическими <...> и лишь немногие детские романы выходят далеко за рамки формул или стереотипов»³ [Nodelman, 1985, p. 5].

С одной стороны, реалистическая проза Крапивина, кажется, вполне подтверждает тезис об «однотипности смысловых ядер и изобразительных шаблонов» в детской литературе – история об испытании героя воплощается в традиционных для детской литературы сюжетах, мотивах и темах: одиночество героя, обретение лучшего друга, поиск единомышленников и интеграция в их сообщество, мечты о романтическом и недоступном мире приключений и экзотики, конфликт с антагонистом (ровесником или взрослым), описание повседневных занятий и игр детей, их отношений со сверстниками, родителями, учителями и т. д. Разумеется, в этих сюжетах и темах нет ничего специфически «крапивинского», они принадлежат всей традиции детской литературы: как советской, так и дореволюционной, как русской, так и мировой. Уникальность идиостиля крапивинских текстов достигается, главным образом, за счет особого отбора и комбинации сюжетообразующих элементов. Парадоксальным образом проза Крапивина, соответствуя многим стереотипам и шаблонам поэтики детской литературы, имеет свою собственную узнаваемую индивидуальность: не относясь, строго говоря, к формульным жанрам, повести и рассказы Крапивина базируются на устойчивом наборе

¹ См. [Щупов, 2017; Аникина, 2014; Арбитман, 1993; Мешавкин, 1988; Разумихин, 1982] и др.

² См. [Hunt, 1984; Nodelman, 1985; Nikolajeva 2005].

³ Перевод наш.

основных сюжетов и мотивов, повторяющихся из книги в книгу, и позволяющих говорить о наличии своего рода «формулы Крапивина».

Одним из основных и важнейших элементов этой формулы является образ героя-протагониста, за которым прочно закрепилось определение «крапивинского мальчика»⁴. Чаще всего и критики, и читатели употребляют это выражение в форме множественного числа – «крапивинские мальчики», имея в виду не только излюбленный тип героев, изображаемых Крапивинным, но и определенный социокультурный типаж подростка / юноши, представленный в советской и постсоветской реальности. Образ такого героя Крапивин пытается обрисовать еще в самых ранних своих произведениях – рассказах «Костер» (1961), «Минное заграждение» (1961), «Настоящее» (1961), «Капитаны не смотрят назад» (1964); «Звезды пахнут полынью» (1965) и др., однако первыми героями, описание которых формирует и закрепляет канон изображения «крапивинского мальчика», более обоснованно будет считать Генку, Владика, Ильку и Яшку («Август – месяц ветров», 1965)⁵, Володю и Кашку («Оруженосец Кашка», 1966), Вальку и Андриюшку («Валькины друзья и паруса», 1967). В дальнейшем образ «крапивинского мальчика» с незначительными модификациями находит свое воплощение в произведениях 1970–1980-х гг., составляющих ядро творчества Крапивина в жанре реалистической прозы⁶. Сегодня о феномене «крапивинских мальчиков» написано значительное количество работ, где этому понятию даются детальные определения и разнообразные интерпретации⁷, статья о Сергее Каховском, наиболее эталонном герое, репрезентирующем тип «крапивинских мальчиков», включена культурологом С. Б. Борисовым в «Энциклопедический словарь русского детства» [2008], а на сайтах сетевых энциклопедий, представляющих в том числе и контркультурные площадки, размещен ряд публикаций о «крапивинских мальчиках».

Любопытно, что и сам писатель в какой-то момент включился в дискуссию о клишированности своих героев и дал собственное описание «формулы героя» словами одного из персонажей фантастической повести «Сказки о рыбаке и рыбке» (1991):

...ты создал себе идеал – маленького рыцаря в куцых штанишках и пыльных сандаликах. С острыми расцарапанными локтями и репьями в спутанных волосах... И на основе этого идеала лепишь и пускаешь в свет своих героев. А бабы-рецензентши то умиленно охают, то клеймят тебя за повторяемость и подражание самому себе: «Почему они у вас похожи друг на друга?» А похожи они трогательным сочетанием внешней беззащитности и внутренней отваги. Волюновский стиль...

<...> Ведь «волюновские мальчики» – это ты сам. <...> их корни – в тебе. Эти мальчики – такие, каким ты сам хотел быть в детстве, да не получилось. Тетушка твоя, вечная ей память, была прекрасным человеком, но одного не умела – обращаться с детьми. Вот и старалась поскорее сделать тебя большим. С семи лет рядила тебя во взрослые костюмы с жилетками, расчесывала рыжие кудряшки и водила тебя по выставкам и лекциям. И гоняла в художественную школу... А ты душою рвался скинуть отглаженные брюки и сорочку с бабочкой и ударить к озеру или на футбольную площадку. Хотя и робел при этом... (Крапивин, 1991).

⁴ Нам не удалось проследить, кем и где это определение было предложено впервые.

⁵ С 1968 г. издается в составе дилогии «Та сторона, где ветер», вместе с повестью «Люди с фрегата "Африка"».

⁶ Повести «Тень каравеллы» (1971), «Мушкетер и фея» (1978), «Болтик» (1979), «Колыбельная для брата» (1979), «Трое с площади Карронад» (1981), «Журавленок и молния» (1982) и трилогия «Мальчик со шпагой» (1973–1975).

⁷ См., например, [Алещенко, 2019; Клыков, 2017; Головина, 2009; Великанова, 2008; Борисов, 1998; Арбитман, 1993; Мешавкин, 1988; Разумихин, 1982] и др.

В рамках данного исследования нет необходимости расширять или уточнять дефиницию «крапивинские мальчики», можно воспользоваться любым из уже существующих определений⁸, однако, рассматривая связь образа героя-протагониста с основной сюжетикой крапивинской прозы, хотелось бы сделать следующие наблюдения. Во многих работах отмечается не только уникальность крапивинского протагониста, но и универсальность его образа для советской детской литературы и русской литературы в целом. Критики называют «крапивинских мальчиков» наследниками героев советской детской прозы 1920–1930-х гг., отмечая особую близость с «гайдаровской традицией романтического подхода к изображению мира детства» [Гришин, 2005, С. 298]⁹, сравнивают их с «русскими мальчиками» Достоевского [Великанова, 2008], сопоставляют с каноном западной приключенческой, авантюрной и мелодраматической беллетристики [Синицкая, 2013; 2016] и предполагают, что персонажи Крапивина будут еще долгое время востребованы российскими читателями [Шеваров, 2002]. В этой связи хочется обратить внимание на то, что герой Крапивина, несмотря на вполне обоснованную включенность в литературную традицию, все же, в очень значительной степени, определяется автобиографическим контекстом. Если обратить внимание на социокультурную ситуацию «крапивинского мальчика», на габитус этого образа, то мы увидим множественные модификации одной и той же авторской проекции – подростка, чьи житейские обстоятельства совпадают с фактами биографии самого Крапивина. Его герои живут в небольших (часто безымянных) российских городах, в послевоенное голодное, бедное, суровое и одновременно радостное время или в более благополучные и безопасные годы оттепели и «брежневского застоя». Семьи, где растут «крапивинские мальчишки», объединяет принадлежность к определенной социокультурной страте: несмотря на то, что уровень психологического благополучия в них существенно варьируется от проблемного («Всадники со станции Роса», «Журавленок и молнии») и дисфункционального («Трое с площади Карронад») до благоприятного («Тень каравеллы») и почти идеального («Мушкетер и фея», «Колыбельная для брата»), у героя всегда есть доступ к чтению книг, школьному образованию, старшие члены семьи исповедуют систему ценностей, которая, с некоторыми оговорками, позволяет отнести их

⁸ См., например: «...категория мальчиков-протагонистов творчества Владислава Крапивина. Им присущи ярко выраженные общие черты: крапивинский мальчик всегда отважен, ясен взором, гол коленками, голенаст, вихраст, и наделен донельзя обостренным чувством справедливости, которую, как правило, и защищает направо-налево. Как правило, жить не может без морской романтики, занимается в яхт-клубе или, по крайней мере, постоянно мечтает о море и непременно о парусах <...>. Обожает фехтование, почти всегда имеет шпагу, как минимум деревянную. Одет чаще всего в шорты и рубашку. Обувь не любит, в крайнем случае обходится сандалиями. Характеризует крапивинского мальчика также особое отношение автора – ласковое, граничащее с откровенным любованием собственными героями» [Крапивинские мальчики, 2019]; «Особый тип мальчишки-рыцаря, юного интеллигента, даже мистика, если угодно, из каких бы слоев общества тот ни происходил и в каких бы временах ни жил. <...> Крапивинские герои восставали против привычного зла, искали правды – своей правды, а не какой-нибудь “взрослой”. И были не по-детски беспощадны в этих поисках к самим себе, оставаясь всё же детьми. По-рыцарски беспощадны. Отсюда – тотальный нонконформизм и тотальная “неуживчивость” [Борисов, 1998]; «Романтический герой, смелый и бескорыстный, выделяющийся среди своих сверстников чрезвычайно обостренным чувством справедливости <...>, который решительно не приемлет мещанскую мораль и обывательский образ жизни, который выше всего дорожит пионерской честью, верностью, дружбой, активно вмешивается в жизнь и под флагом романтики спешит туда, где труднее всего, где требуется его участие в благородных и славных делах» [Разумневич, 1986].

⁹ См. [Гришин, 2005; Липовецкий, 1988; Фурин, 1984] и др.

к представителям провинциальной интеллигенции. В этой связи представляется достаточно обоснованным рассмотреть базовый для крапивинской прозы сюжет об испытании героя как совокупность частных сюжетов, мотивов и тем, связанных с реалиями социализации «книжного мальчика» в условиях культурного ландшафта провинциального города в послевоенную, оттепельную и брежневскую эпохи.

Обратимся к одному из ключевых элементов повествовательной структуры текста – фигуре рассказчика. В корпусе текстов, на основе которых базируется данное исследование¹⁰, повествование ведется от третьего лица (исключением является автобиографическая повесть «Тень каравеллы», где в роли нарратора выступает главный герой повести, семилетний Владька), где функция фокализатора делегирована преимущественно мальчику-подростку. В некоторых текстах фокализатором является один персонаж на протяжении всего повествования, как, например, главный герой трилогии «Мальчик со шпагой» Серёжа Каховский, чьими глазами читатель видит события, описанные во всех трех частях книги. Однако в большинстве книг Крапивин использует прием повествовательной полифонии, как, например, в дилогии «Та сторона, где ветер»: во вступительном фрагменте первой части («Август – месяц ветров») голос повествователя совпадает с фокусом зрения одного из главных персонажей по имени Владик, затем переходит к герою по имени Генка; во второй части («Люди с фрегата “Африка”») читатель сначала видит события глазами героически погибающего Яшки, для чего автор сочетает ракурсы внутренней и нулевой фокализации, а последующее повествование распределено между оставшимися героями – Илькой, Генкой и Владиком, что, заметим, совпадает с замыслом названия повести. На этом фоне исключением в крапивинской прозе советского периода выглядит появление персонажей-взрослых и персонажей-девочек, выполняющих функции фокализатора, – так, например, на протяжении небольших фрагментов текста эти роли выполняют героини повестей «Оруженосец Кашка» (вожатая Серафима, чьим описанием тревоги по поводу увлечения пионерами лагеря стрельбой из лука начинается текст), «Колыбельная для брата» (одноклассница главного героя Женья Черепанова), «Журавленок и молния» (подруга главного героя Иришка и ее мать Вера Вячеславовна). Уникальной в этом отношении можно назвать небольшую повесть «Лерка»¹¹, где основную часть событий мы видим глазами взрослой героини – вожатой по имени Лена. Интересен прием резкой смены фокализации в финале «Лерки» (повествование о происходящем внезапно завершается «взглядом» Лесного царя – сказочной фигуры, сделанной Леной и Леркой из коряги и шишек и установленной на берегу лесного озера), интересно резкое увеличение дистанции между героем-фокализатором и авторским голосом, обозначенное бук-

¹⁰ Рассказы: «Костер» (1961), «Рейс Ориона» (1961), «Рукавицы» (1961), «Настоящее» (1961), «Минное заграждение» (1962), «Капитаны не смотрят назад» (1964), «Звезды пахнут польню» (1965), «Воробьиная ночь» (1971), «Гвозди» (1972).

Повести: «Палочки для Васькиного барабана» (1964), «Оруженосец Кашка» (1966), «Валькины друзья и паруса» (1967), «Та сторона, где ветер» (1968), «Бегство рогатых викингов» (1969), «Лерка» (1969), «Тень каравеллы» (1971), «След крокодила» (1975); «Мушкетер и фея» (1978), «Болтик» (1979), «Колыбельная для брата» (1979), «Трое с площади Карронад» (1981), «Тайна пирамид» (1985).

Романы: трилогия «Мальчик со шпагой» («Всадники со станции Роса» (1973), «Звездный час Серёжи Каховского» (1974), «Флаг-капитаны» (1975)), «Журавленок и молнии» (1982).

¹¹ Первая публикация вышла под названием «Лесной царь» («Урал», 1969, № 12).

важно в последней фразе романа «Журавленок и молнии»¹², но, тем не менее, очевидно, что ключевые функции рассказчиков в прозе Крапивина выполняют персонажи мальчишки-подростки.

Спектр основных сюжетных линий и мотивов реалистической прозы Крапивина определяется фигурой и ситуацией главного героя: центральная тема произведений этого корпуса – интеграция и социализация мальчика десяти-одиннадцати лет в компании сверстников: это могут быть «уличные» компании мальчишек («Та сторона, где ветер», «Тень каравеллы», «Оруженосец Кашка»), пионерские отряды («Палочки для Васькиного барабана», «Валькины друзья и паруса», «Гвозди») и «фирменные» крапивинские братства единомышленников, являющиеся художественной проекцией отряда-флотилии «Каравелла», созданного в 1961 г., – фехтовальный клуб «Эспада» («Мальчик со шпагой»), парусная секция «Виндjamмеры» («Трое с площади Карронад»), команда парусника «Капитан Грант» («Колыбельная для брата») и др. С этой темой связан комплекс устойчивых сюжетных линий, встречающийся, за редким исключением (например, юмористическая повесть «След крокодила» или уже упоминавшаяся повесть «Лерка»), практически во всех произведениях 1960–1980-х гг.:

- обретение главным героем лучшего («особого») друга¹³;
- обретение (чаще всего невольное) главным героем младшего друга (мальчика лет шести-семи или ровесника, находящегося в более уязвимом положении), которого предстоит опекать и защищать;
- участие в объединяющем единомышленников «настоящем мужском деле» (запуск воздушных змеев, фехтование, стрельба из лука, постройка парусных судов и мореходство);
- противостояние антагонистам-ровесникам в вариантах соперничества или открытой вражды;
- спасение друга, подопечного, младшего мальчика или значимого для сообщества единомышленников объекта (парусного судна, флага), часто сопряженное с высокой степенью риска;
- владение или овладение оружием (палка, сук, доска, рейка, гвоздь, самодельное оружие (рогатка, лук, меч, шпага, сабля), игрушечное оружие (меч, пистолет, автомат), идеологическое «оружие» (барабан, барабанные палочки, горн), папира, нож);
- внезапное появление неожиданного защитника в ситуации, когда герой находится в опасности (чаще всего – подвергается нападению превосходящих его по силе противников).

¹² «...И он стоял, вытянувшись вверх, и каждая жилка стонала в нем, дрожа от яростной и нервной силы. <...> Опять вспыхнула над головой трескучая оглушительная звезда. Журка пригнулся и вытянулся вновь.

“Если ударит в клинок, я, наверно, не услышу грома”, – подумал он. И стоял...

Молнии рубили ливневое пространство над соседними крышами, и каждая могла пройти обжигающим ударом через тонкую сталь клинка и струны Журкиного тела.

Не ударит? Не попадет? <...> На этот раз, наверно, нет...

Но впереди еще столько гроз...

И если вы увидите под ливнем и молниями Журавленка, пожалуйста, поспешите ему на помощь» (Крапивин, 1982).

¹³ См., например: «Ученик пятого класса “Б” общеобразовательной средней школы № 20 Тимофей Сель за одиннадцать лет и три с половиной месяца прожил четыре жизни. <...> Третья жизнь включала в себя один последний месяц, сентябрь. С того дня, когда появился Славка. У каждого человека начинается новая жизнь, когда среди множества приятелей и товарищей появляется единственный и самый нужный на свете друг» (Крапивин, 1981а, с. 179).

Любое из этих направлений может стать предметом развернутого анализа, как, например, мотив владения / овладения оружием: большинство «крапивинских мальчиков» владеет реальным или игрушечным оружием, пусть даже иногда этот мотив редуцируется до незначительного эпизода, как, например, в повести «Болтик», где герой использует найденную им деревянную щепку в качестве «сабли» для того, чтобы рубить лопухи и релейник (Крапивин, 1979). Однако, фокусируясь на антропологичности крапивинской сюжетики, рассмотрим детально одну из центральных тем – тему преодоления страха и поведения героя в ситуациях риска и опасности.

Большинство крапивинских героев не раз и не два задают себе вопрос: «Трус я или нет? Испугаюсь в опасной ситуации? Струшу, сбегу или смогу устоять?» Можно сказать, что это один из самых основных предметов их рефлексии и основной страх, образующий фигуру некой рекурсии:

Сам Максим про себя знал, что трус. Себя-то не обманешь. Иногда только забыть про это можно, а потом опять – испугаешься чего-нибудь, и на душе кисло. А делать нечего. <...> Трусы ведь тоже люди. А жизнь у них нелегкая: трус должен все делать, как нормальные люди, да ещё заботиться, чтобы никто не узнал про его боязливость. <...> Потому что есть одна вещь, ещё более страшная, чем укол. <...> Если узнают, что трус... (Крапивин, 1978).

Максима, девятилетнего героя повести «Болтик», можно назвать одним из самых боязливых «крапивинских мальчиков» – он боится уколов, темноты, грозы, стычек с хулиганом Гранзей, насмешек, вечеров у себя дома, когда родители куда-нибудь уходят и т. д. Но, в соответствии с «крапивинской формулой», конечно же, побеждает труса в себе: совершая сначала героический поступок – спасая деревянный дом от пожара, затем преодолевая более значимый для себя страх – стойчески переносит прививку от столбняка и в качестве финального испытания дерется со своим ровесником – мерзавцем Гранзей, обращая его в бегство. Страхи героя «Болтика» присущи многим крапивинским героям: Генка («Та сторона, где ветер») боится грозы, Владька («Тень каравеллы») – одиноких вечеров и темноты за окном, Кирилл Векшин («Колыбельная для брата») – боится расплакаться от обиды и возмущения, Сережа Каховский («Мальчик со шпагой») – продемонстрировать «девчоночьи» чувства (плаксивость, обидчивость, экзальтированность) и т. д. Эти страхи автор ранжирует в соответствии с возрастом героев: младшие боятся темноты, зубных врачей, уколов, привидений, разлуки с родителями, героев постарше больше беспокоит их соответствие кодексу мужественности и столкновение с реальной опасностью.

Одну из наиболее серьезных угроз для крапивинских героев представляют стычки с хулиганами, описание которых достаточно трафаретно и кочует из книги в книгу. Эти персонажи названы кличками – Дыба, Тюля, Киса, Гусыня, Лысый, Шкалик, Гутя, Череп и пр., в их внешности и поведении подчеркнуты люмпенизированные и нездоровые черты:

Дыба не рассердился <...>. У него было странное пятиугольное лицо: от узкого лба оно расходилось к широким щекам, а внизу был тупой треугольный подбородок (Крапивин, 1979);

Кирилл увидел темные щербатые зубы. Еще он заметил, что у парня слезятся глаза, а лицо словно припорошено серой пылью. «Насквозь, дурак, прокурен», – машинально подумал Кирилл (Крапивин, 1979);

У входа в кинотеатр стояли трое ребят. Стояли расхлябанно, смотрели вокруг не по-хорошему. Сразу было видно, что за люди. Особенно старший, класса из восьмого, – сытый такой, с лицом, похожим на распаренную репу, с волосищами до спины... (Крапивин, 1982);

У Черепа была яйцеобразная, покрытая мелким пухом голова и длинные ноги в тяжелых ботинках (он всегда волочил эти ботинки, как гири) (Крапивин, 1982).

Реже встречается другой типаж хулигана – привлекательный и элегантный внешне, обладающий грамотной речью, открыто декларирующий свои антисоциальные взгляды и от того кажущийся еще более опасным – таковы Гутя («Всадники со станции Роса»); Капрал («Журавленок и молнии»), Сенцов («Звездный час Серёжи Каховского»).

Противостояние «книжных мальчиков» и подростков, принадлежащих к неблагополучной социальной среде, за которой отчетливо проступает уголовно-криминальная среда, является сюжетом, отражающим реалии, характерные не только для российской действительности послевоенного и позднего советского периода, но отчасти являющиеся универсальными для гендерной маскулинной социализации в целом. Один из важнейших конфликтов, в который вступают «крапивинские мальчики», – это физическое противостояние тем противникам, чей «кодекс чести» не только разрешает, но даже предписывает осуществлять акты разнообразного устрашения и насилия. «Крапивинские мальчики» выбирают стратегию принимать бой и защищаться: «Он почувствовал, что, если теперь спасется бегством, всегда потом придется бегать и прятаться» (Крапивин, 1979). Кульминационным эпизодом центрального произведения Крапивина романа «Звездный час Серёжи Каховского» становится сцена драки – где главный герой, заступаясь за двух младших мальчишек, вступает в бой с несколькими хулиганами и присоединившимся к ним вооруженным бандитом и побеждает благодаря отваге и навыкам фехтовальщика.

Страх не уходил. Но Серёжа знал, что пусть хоть до смерти избыют, а карманы выворачивать он не даст и не побежит без боя <...>

– Избить вы меня можете, а убить не убьете.

<...> На что они надеялись? Ну да, они не понимали, что бывают вещи сильнее страха. Что можно бояться и все равно стоять прямо. Потому что есть эмблема с конниками и солнцем, есть друзья, рапиры, слова клятвы. Песни Кузнечика, всадники «Гренады». И где-то далеко – маленький Алехандро Альварес Риос, которому грозят пули. И красный галстук, который, выходя из школы, не прячешь в карман, как эти подонки. И золотой угольник капитана (Крапивин, 1979).

Как можно видеть на примере этого эпизода, едва ли не самым важным для персонажа становится выстраивание героической идентичности, которая формируется из разных элементов и достигается сложным путем на протяжении всего предшествующего повествования. Сергей ощущает себя интегрированным в мужскую героическую традицию в качестве члена «Эспады» (которая, по сути, является неформальным братством, почти сакральным мужским союзом), на него налагает ответственность звание капитана «Эспады», он соотносит себя с юным чилийским революционером, масштабируя таким образом свой поступок как противостояние мировым силам зла т. д. Важным обстоятельством становится сюжетная коллизия, связанная со «всадниками «Гренады», а через них – с кавалеристами Красной армии, героями Гражданской войны, которые в культуре шестидесятых годов становятся символами революционного героизма, самопожертвования и борьбы за счастье народа. В повести «Всадники со станции Роса» (первой части трилогии «Мальчик со шпагой») всадники сначала являются Сергею в некоем видении-сне:

Недалеко от Серёжиной кровати стоял человек в остром шлеме и шинели до пят. На нем были желтые тугие ремни со звездной пряжкой, коричневая кобура и длинная сабля в черных ножнах с медным наконечником. Крошечные капельки

дождя блестяли на шинели. Человек смотрел на Серёжу устало, но по-доброму (Крапивин, 1973).

Усадники покидают мальчика, так как «у них еще много боев», но обещают прийти на помощь, если он попадет в беду и позовет их. В финале повести Крапивин весьма изобретательно использует один из своих любимых приемов «Deux ex machina» – из, казалось бы, безвыходной ситуации героя спасают члены студенческого кавалеристского отряда, в униформу которого входят буденовки с красными звездами...

В этой связи любопытно посмотреть на такой неотъемлемый компонент книг Крапивина, как обязательная репрезентация некоего романтического и героического мира, о котором мечтает и с которым соотносит себя герой-подросток. Этот мир представлен пестрой, но довольно цельной и узнаваемой парадигмой «настоящей мужской героики», куда в эпоху 1960–1970-х входили образы и сюжеты мировой приключенческой беллетристики, культ морских странствий с его флибустерами, пиратами, экзотическими (и недоступными советскому человеку) далекими странами, и преломленные исключительно в эпико-героическом ключе события Гражданской и Великой Отечественной войн. Критики не раз отмечали эскапистский характер крапивинской прозы и определенную инфантильность того «мира взрослых», куда неистово стремятся герои-мальчишки [Синицкая, 2016]. В данном случае хотелось бы указать на то, что активное присвоение «крапивинскими мальчишками» героического дискурса, не только дань культурному контексту 1960–1970-х гг., но и важная составляющая их гендерной социализации, которая в итоге предполагает превращение в «настоящих мужчин», мужественных и сильных, для которых дворовые хулиганы уже перестают быть релевантным противником. «Крапивинский мальчик» часто находится в уязвимом положении из-за своей физической слабости, робости, возраста, внутреннего запрета на проявление настоящего насилия, отсутствия опыта драк и пр. Кажется, автор старается как можно быстрее перевести своего героя из состояния уязвимости и беспомощности в статус, соответствующий более зрелой, а следовательно, и менее уязвимой, маскулинности. Герой, прошедший испытание, будь это схватка с врагом, со стихией или с собственным страхом, неизменно получает символическое поощрение – например, о поединке Сергея Каховского публикуется газетная статья с заглавием «Есть мушкетеры!», причем сам герой, несмотря на повышенную склонность к саморефлексии, относится к такой параллели как к должному:

– Вот такие дела, брат... – Сказал Алексей Борисович, закончив чтение. – Что молчишь? Все правильно написано?

– Кажется... – неловко сказал Серёжа. – Алексей Борисович! А вы больше не встречали ребят из конного отряда «Гренада»?

– Нет, Серёжа. Жаль, но пока не встречал. А что? Вспоминаются?

– Конечно.

– И мне тоже. Ну и хорошо. По крайней мере я теперь знаю, что не зря их тогда поднял по тревоге.

Серёжа помолчал. Он тоже знал, что не зря (Крапивин, 1973).

Здесь мы сталкиваемся с приемом авторской дидактики – Крапивин во многих книгах выстраивает «эстафеты героев», включающие в себя исторических и литературных персонажей, а затем вписывает туда своих мальчишек, подчеркивая преемственность героического модуса и обозначая перспективы, так как у главного героя чаще всего есть младший товарищ, видящий в своем покровителе образец маскулинной социализации.

Заметим, что социализация крапивинских героев происходит в ситуации, которую можно охарактеризовать как гомосоциальную. Подростки Крапивина прак-

тически полностью погружены в свой изолированный мир, где они окружены сверстниками и мальчиками младшего возраста. Руководят ими чаще всего взрослые мужчины – вожатые, энтузиасты-педагоги (но не школьные учителя), противостоят – ровесники из враждебной социокультурной страты (или бездушные учительницы-формалистки). Самым важным для «крапивинского мальчика» является одобрение его другими членами мужского братства, самым значительным – процесс превращения из «просто мальчика» в «настоящего мужчину», «капитана», бойца, воина. Символические ценности (оружие, книгу, картину) герою передают старшие мужчины, родственники или знакомые, часто участники военных действий или причастные к героической традиции тем или иным образом: например, отец Сережи Каховского вспоминает, что когда-то он вступил в неравный поединок с браконьерами («Звездный час Серёжи Каховского»); об отце другого героя, имеющем «негероическую внешность» и работающем на заводе «Сельмаш», говорится «Кирилл знал, что в молодости папа служил на границе, да еще был перворазрядником по стрельбе и лыжам. Согласитесь, что это не хуже, чем геркулесовы плечи или мушкетерские усы» (Крапивин, 1979); дед Журки, до того как стать бухгалтером, служил на флоте («Журавленок и молнии»); неожиданный взрослый друг Кашки едет на Памир, чтобы «пощупать ледник», который внезапно изменил свою траекторию («Оруженосец Кашка») и пр.

В книгах Крапивина немало персонажей-девочек, но, несмотря на то, что в нескольких произведениях есть сюжеты, связанные с влюбленностью героев («Тень каравеллы», «Мушкетер и фея») или дружбой с девочками («Оруженосец Кашка», «Колыбельная для брата», «Журавленок и молнии»), героини-девочки остаются снаружи мужского братства «крапивинских мальчиков». Персонажи-девочки у Крапивина или скучны и заурядны, или откровенно враждебны мальчикам (доносчицы, подлизы, недалекие и лояльные по отношению к начальству). Даже героини, являющиеся подругами главных героев или объектами их влюбленности, описаны чрезвычайно схематично и бледно. Например, читатель почти нигде не увидит развернутого описания внешности девочки, в то время как описанию внешности мальчиков посвящено немало фрагментов. Чаще всего девочки изображаются как типаж «маленькой мамы» – девочки ворчат, причитают, охают, отчитывают мальчиков за неряшливость, готовят еду и кормят мальчишек, посылают в магазин за продуктами, заставляют мыть руки, обрабатывают их раны, зашивают одежду или шьют костюмы (наиболее яркий пример такой героини – семилетняя Валентина из повести «Трое с площади Карронад», похожий типаж представляет собой Вика из цикла рассказов и повестей о Джонни Воробьеве¹⁴). Характерно, что с героинями-девочками не связано ни одного самостоятельного сюжета – все сюжетные линии и мотивы, где участвуют девочки, определяются их взаимодействием с героями. За тремя исключениями¹⁵, встретившимися в корпусе рассматриваемых текстов, героини-девочки исчезают из поля зрения читателя, как только герой-мальчик перестает их видеть или думать о них. Минимальное количество самостоятельных сюжетов, связанных с персонажами-девочками, отсутствие девочек, изображенных в качестве главных героинь, можно назвать еще

¹⁴ «Бегство рогатых викингов» (1969), «След крокодила» (1975); «Мушкетер и фея» (1978).

¹⁵ Фрагмент, связанный с ожиданием «прекрасного принца» Таней, героиней повести «Болтик»; фрагмент невольного подслушивания Женей Черепановой разговора взрослых («Колыбельная для брата»), фрагмент ожидания Иринкой в гости Журки («Журавленок и молнии») – действия, мысли и чувства девочек в этих фрагментах так или иначе связаны с героями-мальчиками и выполняют определенную функцию в развитии сюжета.

одной отличительной чертой крапивинской сюжетики, выделяющей его произведения на общем фоне детской прозы 1960-х – 1980-х гг.

Представляется, что такая асимметрия в отборе героев по признаку пола и соответственно сильный дисбаланс сюжетов связаны не с мизогинией автора, а опять же с реалиями гендерной социализации мальчика той эпохи. Мир послевоенной советской культуры и повседневности, окружавший мальчика-подростка, – это преимущественно мужской мир, причем находящийся на пике актуализации милитаристской парадигмы¹⁶. Мужчины воюют и гибнут в войнах, они плавают на кораблях по страстно желанному для многих «крапивинских мальчишков» морю и летают в небе на самолетах, мужчины совершают открытия, сражаются за справедливость, они защищают слабых, соблюдают кодекс чести, они владеют оружием и могут быть включены в процесс глорификации героев. Девочки – в силу предписанных им гендерных ролей – исключены из активных субъектов подобной деятельности. Функции девочек в социуме крапивинским героям в сущности понятны, но в силу ряда причин совсем не интересны.

В заключение можно сказать, что круг крапивинских героев и историй, происходящих с ними, во многом определяется фокусом зрения персонажа-мальчика, интегрирующегося в мир, где мужская иерархия незыблема, война и драка неизбежны, гендерная асимметрия очевидна, а героизация повседневности и присвоение себе частицы этой героизации становится важным инструментом социокультурной и психологической адаптации к этому миру.

Список литературы

Алеценко Е. И. Пространство взрослых и пространство детей в творчестве В. П. Крапивина // Восток – Запад: пространство локального текста в литературе и фольклоре: Сб. науч. ст. к 70-летию профессора А. Х. Гольденберга. Волгоград, 2019. С. 408–414.

Аникина Ю. А. Специфика конфликта в художественном мире В. П. Крапивина: Автореф. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2014.

Арбитман Р. Слезинка замученного взрослого // Детская литература. 1993. № 12. С. 6–8.

Борисов С. Б. Энциклопедический словарь русского детства. Шадринск, 2008. Т. 1.

Борисов М. Владислав Крапивин: космология детства. 1998. URL: http://www.rusf.ru/vk/recen/1998/m_borisov_01.htm.

Великанова Е. А. Достоевский и Крапивин: параллели сходятся // Вестник Новгород. гос. ун-та им. Ярослава Мудрого. 2008. № 47. С. 46–48.

¹⁶ Не только для Крапивина, но и для детской литературы в целом характерно описание игр, повседневных практик и социальной коммуникации мальчишек в военных терминах. См. у Крапивина: «Второклассник Молчанов ростом походил на дошкольника, но был сообразителен и достаточно смел. Он и Джонни познакомились еще в давние детсадовские времена и с той поры участвовали во многих славных делах. Тех самых, где Джонни выступал как полководец, а Молчанов как умелый и верный солдат» (Крапивин, 1981б); «В третьем “Б” сидел всякий народ. Но среди всякого народа было человек семь, которые знали Джонни с детского сада. Люди из славной Джонниной армии – той, что не раз прославилась хитрыми операциями с красивыми названиями, а Крепостную улицу и ближние переулочки потрясала громовыми схватками в войне за справедливость. Боевая дисциплина у этих ветеранов была в крови. Они пружинисто рванулись из-за парт и выгнулись, преданно глядя на командира» (Крапивин, 1985) и т. д.

- Головина Л. Г.* Мифологическая основа системы детских персонажей фантастического цикла В. П. Крапивина «В глубине Великого кристалла» // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 2. С. 104–111.
- Гришин К.* Крапивин В. П. // Русская литература XX века: прозаики, поэты, драматурги: Библиографический словарь. СПб., 2005. Т. 2. С. 297–300.
- Клыков М. П.* Фантастика В. П. Крапивина. 2017. URL: <https://www.proza.ru/2017/10/27/1995>
- Крапивинские мальчики // Энциклопедия вымышленных миров. 2019. URL: https://posmotre.li/Крапивинские_мальчики.
- Липовецкий М.* В одеждах романтики // Литературное обозрение. 1988. № 5. С. 49–52.
- Мешавкин С.* Мальчишки Вселенной // Урал. 1988. № 10. С. 177–185.
- Разумихин А.* Правило без исключений, или Прозрачная злость и интеллигентные мальчики Владислава Крапивина // Урал. 1982. № 8. С. 149–152.
- Разумневич В.* Первым встать в защиту правды: о книгах Владислава Крапивина // Разумневич В. С книгой по жизни. М., 1986. С. 199–207.
- Синицкая А. В.* Бригантина, гипсовый трубоч и скелет в шкафу: классика жанра с «двойным дном» (сюжеты Владислава Крапивина) // Конвенциональное и неконвенциональное: интерпретация культурных кодов. Саратов; СПб., 2013. С. 186–197.
- Синицкая А. В.* Формулы мелодраматического сюжета, игра в эпос и советская метафизика // Детские чтения. 2016. № 2 (10). С. 214–237.
- Фури С.* Всем ребятам ровесник // Костер. 1984. № 3. С. 34–35.
- Шеваров Д.* Честные книги и верные оруженосцы // Первое сентября. 2002. № 87.
- Щупов А.* Владислав Крапивин. Екатеринбург, 2017.
- Hunt P.* Narrative Theory and Children's Literature // Children Literature Association Quarterly. 1984. Vol. 9, no. 4. P. 191–194.
- Nikolajeva M.* Aesthetic approaches to children's literature: An introduction. Toronto; Oxford, 2005.
- Nodelman P.* Interpretation and the apparent sameness of children's novels // Studies in the literary imagination. 1985. Vol. 18, no. 2. P. 5–20.

Список источников

- Крапивин В.* Сказки о рыбаке и рыбке, 1991. URL: http://www.rusf.ru/vk/book/skazki_o_rybakah_i_rybkah/skazki_o_rybakah_i_rybkah_0_01.htm
- Крапивин В.* Тайна пирамид. 1985. URL: http://rulibs.com/ru_zar/child_adv/krapivin/7/j4.html
- Крапивин В.* Журавленок и молнии. 1982. URL: http://www.rusf.ru/vk/book/juravlenok_i_molnii/juravlenok_i_molnii_1_00.htm
- Крапивин В.* Трое с площади Карронад. Свердловск, 1981а.
- Крапивин В.* Шлем витязя. 1981б. URL: http://rulibs.com/ru_zar/child_adv/krapivin/7/j3.html
- Крапивин В.* Колыбельная для брата. 1979. URL: http://www.rusf.ru/vk/book/kolybelnaja_dlja_brata/kolybelnaja_dlja_brata_01.htm
- Крапивин В.* Болтик. 1978. URL: http://www.rusf.ru/vk/book/boltik/boltik_01.htm
- Крапивин В.* Звездный час Серёжи Каховского. 1974. URL: http://www.rusf.ru/vk/book/malchik_so_shpagoi/malchik_so_shpagoi_1_01.htm
- Крапивин В.* Всадники со станции Роса. 1973. URL: http://www.rusf.ru/vk/book/malchik_so_shpagoi/malchik_so_shpagoi_1_01.htm

I. A. Sergienko

*Institute of Russian Literature (the Pushkin House) RAS
St. Petersburg, Russian Federation*

«Krapivin's Recipe»: Plot Model of Vladislav Krapivin Realistic Prose in 1960–1980s

In this article the author examines distinctive features of plot building by Vladislav Krapivin, focusing on his realistic prose in the period from the beginning of 1960 to the beginning of 1980. This essay deals with Krapivin's texts that are considered the core of his work, which are the vignettes, short novels and novels, distinguished by the image of "krapivin's boy" – the main character type in Krapivin's writing. There are such works as novels "Kashka the armor-bearer" (1966), "The side where the wind is" "The side where the wind is" (1964–1966), "Caravel's Shadow" (1971), "A Musketeer and a Fairy" (1978), "The Little Bolt" (1979), "A Lullaby for a Brother" (1979), "Three some from the Square of the Carronades" (1981), "The Little Crane and the Lightings" (1982) and the trilogy "The boy with a sword" (1973–1975).

Sketchiness of Krapivin's plot models is analyzed in the context of children's literature specifics; we discover and explore how Krapivin's literary techniques are connected with traditions, patterns and schemes of children's literature; we attempt to define Krapivin's individual style and to discern his unique techniques in plot building. This essay puts forward a hypothesis that the main themes of Krapivin's realistic texts and, consequently, the themes' manifestation in plots, are influenced not by literary tradition alone, but also by biographic framework. The author of the article considers the features of the figure of the main character of Krapivin's works, describes the main clichés and stereotypes used by the author to create this image. Distinctive features of the main character ("Krapivin's boy") define very specific and limited set of plots that are related to the realities of the boys' gender socialization after the Second World War and from 1906s to 1980s. There is a reasonable assumption on the reasons why there are so few girl-related plots and why the girl characters are clinging and auxiliary in relation to male characters.

The author of the article concluded that Krapivin embodies the central theme of his prose – the plot of the test of the hero – in specific plots related to the realities of socialization of teenage boys from intelligent circles living in provincial Russian cities in the post-war and late Soviet period (1950–1980 years). The article notes that the important moment of the boy's gender socialization is the acquisition and appropriation of a "heroic identity" by him and that most of Krapivin's stories tell about this phenomenon.

Keywords: Vladislav Krapivin's prose, plots of realistic prose by Vladislav Krapivin, plot in children's literature, "krapivin's boys", portraying of gender socialization in Soviet children's literature.

DOI 10.25205/2410-7883-2019-2-151-165

References

Aleshchenko E. I. Prostranstvo vzroslykh i prostranstvo detey v tvorchestve V. P. Krapivina [The space of adults and the space of children in the work of V. P. Krapivin]. In: Vostok – Zapad: prostranstvo lokal'nogo teksta v literature i fol'klore [East – West: the space of local text in literature and folklore]. Volgograd, 2019, p. 408–414. (in Russ.)

Anikina Yu A. Spetsifika konflikta v khudozhestvennom mire V. P. Krapivina [The specifics of the conflict in the artistic world of V. P. Krapivin]. Avtoref. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2014. (in Russ.)

Arbitman R. Slezinka zamuchennogo vzroslogo [Tear of a Tortured Adult]. *Detskaya literatura* [Children's Literature], 1993, no. 12, p. 6–8. (in Russ.)

Borisov S. B. Entsiklopedicheskiy slovar' russkogo detstva [Encyclopedic Dictionary of Russian childhood]. Shadrinsk, 2008, vol. 1. (in Russ.)

Borisov M. Vladislav Krapivin: kosmologiya detstva [Vladislav Krapivin: cosmology of childhood]. URL: http://www.rusf.ru/vk/recen/1998/m_borisov_01.htm. (in Russ.)

Velikanova E. A. Dostoevskiy i Krapivin: paralleli skhodyatsya [Dostoevsky and Krapivin: parallels converge]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava*

Mudrogo [Bulletin of Novgorod State University named after Yaroslav the Wise], 2008, no. 47, p. 46–48. (in Russ.)

Golovina L. G. Mifologicheskaya osnova sistemy detskikh personazhey fantasticheskogo tsikla V. P. Krapivina «V glubine Velikogo kristalla» [The mythological basis of the system of children's characters of the fantastic cycle of V. P. Krapivin "In the depths of the Great Crystal"]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Actual problems of the humanities and natural sciences]. 2009, no. 2, p. 104–111. (in Russ.)

Grishin K. Krapivin V. P. In: *Russkaya literatura KhKh veka: prozaiki, poety, dramaturgi: Biobibliograficheskiy slovar'* [Russian Literature of the Twentieth Century: Prose Writers, Poets, Dramatists: Biobibliographic Dictionary]. St. Petersburg, 2005, vol. 2, p. 297–300. (in Russ.)

Klykov M. P. Fantastika V. P. Krapivina [Fantasy by V. P. Krapivin]. URL: <https://www.proza.ru/2017/10/27/1995> (in Russ.)

Krapivinskie mal'chiki [Krapivin's boys]. In: *Entsiklopediya vmyshlennykh mirov* [Encyclopedia of fictional worlds]. URL: https://posmotre.li/Krapivinskie_mal'chiki (in Russ.)

Lipovetskiy M. V odezhdakh romantiki [In the clothes of romance]. *Literaturnoe obozrenie* [Literary Review], 1988, no. 5, p. 49–52. (in Russ.)

Meshavkin S. Mal'chishki Vselennoy [Boys of the Universe]. *Ural*, 1988, no. 10, p. 177–185. (in Russ.)

Razumikhin A. Pravilo bez isklyucheniy ili Prozrachnaya zlost' i intelligentnye mal'chiki Vladislava Krapivina [The rule without exceptions or Transparent anger and intelligent boys Vladislav Krapivin]. *Ural*, 1982, no. 8, p. 149–152. (in Russ.)

Razumnevich V. Pervym vstat' v zashchitu pravdy: o knigakh Vladislava Krapivina [The first to stand up for the truth: about the books of Vladislav Krapivin]. In: *Razumnevich V. S knigoy po zhizni* [With a book on life]. Moscow, 1986, p. 199–207. (in Russ.)

Sinitskaya A. V. Brigantina, gipsovyy trubach i skelet v shkafu: klassika zhanra s «dvoynym dnom» (syuzhety Vladislava Krapivina) [Chestplate, gypsum trumpeter and skeleton in the closet: a classic of the double bottom genre (plots by Vladislav Krapivin)]. In: *KonventSIONal'noe i nekonventSIONal'noe: Interpretatsiya kul'turnykh kodov* [Conventional and unconventional: Interpretation of cultural codes]. Saratov, St. Petersburg, 2013, p. 186–197. (in Russ.)

Sinitskaya A. V. Formuly melodramaticheskogo syuzheta, igra v epos i sovetskaya metafizika [Formulas of a melodramatic plot, a game of epics and Soviet metaphysics]. *Detskie chteniya* [Children's Readings], 2016, no. 2 (10), p. 214–237. (in Russ.)

Furin S. Vsem rebyatam rovesnik [All children are the same age]. *Koster* [Bonfire], 1984, no. 3, p. 34–35. (in Russ.)

Shevarov D. Chestnye knigi i vernye oruzhenostsy [The Honest books and the faithful squires]. *Pervoe sentyabrya* [First of September], 2002, no. 87. (in Russ.)

Shchupov A. Vladislav Krapivin. Ekaterinburg, 2017. (in Russ.)

Hunt P. Narrative Theory and Children's Literature. *Children Literature Association Quarterly*, 1984, vol. 9, no. 4, p. 191–194.

Nikolajeva M. Aesthetic approaches to children's literature: An introduction. Toronto, Oxford, 2005.

Nodelman P. Interpretation and the apparent sameness of children's novels. *Studies in the literary imagination*, 1985, Vol. 18, no. 2, p. 5–20.

List of Sources

Krapivin V. Skazki o rybake i rybke [Tales of the Fisherman and the Fish]. 1991. URL: http://www.rusf.ru/vk/book/skazki_o_rybakah_i_rybkah/skazki_o_rybakah_i_rybkah_0_01.htm (in Russ.)

Krapivin V. Tayna pyramid [The Mystery of the Pyramids]. 1985. URL: http://rulibs.com/ru_zar/child_adv/krapivin/7/j4.html (in Russ.)

Krapivin V. Zhuravlenok i molnii [The Little Crane and the Lightnings]. 1982. URL: http://www.rusf.ru/vk/book/juravlenok_i_molnii/juravlenok_i_molnii_1_00.htm (in Russ.)

Krapivin V. Troe s ploshchadi Karronad [Three some from the Square of the Carronades]. Sverdlovsk, 1981. (in Russ.)

Krapivin V. Shlem vityazyza [Helmet of the Knight]. 1981. URL: http://rulibs.com/ru_zar/child_adv/krapivin/7/j3.html (in Russ.)

Сергиенко И. А. Сюжетная модель реалистической прозы В. Крапивина

Krapivin V. Kolybel'naya dlya brata [A Lullaby for a Brother]ю 1979. URL: http://www.rusf.ru/vk/book/kolybelnaja_dlja_brata/kolybelnaja_dlja_brata_01.htm (in Russ.)

Krapivin V. Boltik [The Little Bolt]. 1978. URL: http://www.rusf.ru/vk/book/boltik/boltik_01.htm (in Russ.)

Krapivin V. Zvezdnyy chas Serezhi Kakhovskogo [Highlights of Seryozha Kakhovsky]. 1974. URL: http://www.rusf.ru/vk/book/malchik_so_shpagoi/malchik_so_shpagoi_1_01.htm (in Russ.)

Krapivin V. Vsadniki so stantsii Rosa [Riders from Rosa Station]. 1973. URL: http://www.rusf.ru/vk/book/malchik_so_shpagoi/malchik_so_shpagoi_1_01.htm (in Russ.)

Inna A. Sergienko – PhD, Research fellow, Research Center for Russian Children's Literature at the Institute of Russian Literature (the Pushkin House) RAS (St. Petersburg, Russian Federation, inna_antipova@bk.ru)